

Комар, В. Л. Беларусь в польской политике прометеизма в 20-х гг. XX в. / В. Л. Комар // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. – Минск, 2008. — Вып. 3. – С. 76–82.

В. Л. Комар

БЕЛАРУСЬ В ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПРОМЕТЕИЗМА В 20-х гг. XX в.

Возрождение независимой Польши 11 ноября 1918 г. актуализировало проблему создания государственной идеологии. Одним из ее вариантов стала идея прометеизма, предполагавшая руководящую роль Польского государства в Восточной Европе и направленная, главным образом, против России [1, с. 59]. Сторонники прометеизма во главе с Юзефом Пилсудским стремились к воссозданию общего федеративного государства Польши, Литвы, Беларуси и Украины, подобного давней Речи Посполитой. Тем самым польские политики противостояли большевистской идее мировой революции и пытались утвердить великодержавный статус Польши.

Политике прометеизма в период между двумя мировыми войнами посвятили свои фундаментальные монографии польские историки-марксисты Ю. Левандовский и С. Микулич [2; 3; 4]. Поэтому долгое время считалось, что тема политического прометеизма себя исчерпала. Однако в последнее время стали появляться серьезные научные статьи, которые раскрывают все новые аспекты проблемы. В авангарде исследователей идут польские историки, названия трудов которых говорят сами за себя [5; 6; 7; 8]. Основательно проанализирована «литовская» составляющая политики прометеизма Польши в монографии К. Грыгайтиса [9]. В свою очередь, российские историки на основе архивных документов открывают неизвестные страницы польской политики начала 20-х гг. XX в. [10; 11]. К сожалению, исследуемая нами тема, недостаточно изучена в Украине. Также нам неизвестны труды белорусских историков в этой сфере внешней политики Польши. Поэтому целью нашей статьи стало изучение политики прометеизма Польши в отношении Беларуси. Некоторые аспекты этой политики косвенно проецируются и на современную политическую ситуацию в регионе, что подчеркивает актуальность исследования исторических корней явления.

Федеративная концепция построения Польского государства. Возрожденное Польское государство, оказавшись в окружении Германии и России, стремилось всячески противостоять их диктату. Выходом из ситуации, по мнению ближайшего окружения Ю. Пилсудского, считалось существенное расширение территории независимой Польши, в том числе и за счет литовских, белорусских и украинских земель, которые до разделов конца XVIII в. входили в состав Речи Посполитой. Эти планы полностью совпадали с федеративной концепцией построения польского государства, которая возникла еще до Первой мировой войны. Польша брала на себя миссию нести свет европейской цивилизации на Восток. Это выражалось в поддержке национально-освободительных движений нерусских народов империи Романовых. Концепция предполагала реставрацию великодержавного статуса Польши путем федерации с Литвой, Беларусью, Украиной, Крымом и Кавказом.

Комар Владимир Леонович — заведующий кафедрой истории славян Прикарпатского национального университета им. Василя Стефаника (Ивано-Франковск), кандидат исторических наук, доцент

В связи с крушением Российской империи острие политики прометеизма было переориентировано на Советскую Россию. Считалось, что, несмотря на смену формы государственности, сущность российского империализма остается неизменной [12, s. 2]. К тому же польские политики предрекали недолговечность существования советских республик. Из письма Б. Савинкова следует, что Ю. Пилсудский летом 1920 г. был убежден в том, что «господство большевиков клонится к упадку» и «Россия распадется на отдельные государства, объединенные на основе разной степени федерации. К этому союзу народов пристанет Финляндия и Польша» [13, л. 6].

Польской концепции федерализма противостояла идея всемирной революции, носителем которой была Советская Россия. Большевики крайне нуждались в удержании под своей властью национальных окраин, особенно западных, так как только через них можно было пробиться к европейскому пролетариату. Особое значение в связи с этим приобретали территории Украины и Беларуси, где местные элиты вели строительство национальных государств. Поэтому большевики шли даже на военные действия, чтобы установить там советскую власть [14, s. 19—20].

Борьба между Польшей и Советской Россией сначала происходила на дипломатическом поприще. МИД Польши в лице министра Л. Василевского обвинял «агрессивную и империалистическую политику со стороны русского Советского правительства, войска которого наводняют Литву и Белоруссию, вводя тем самым советскую администрацию в области, чуждые таковой, порабощая народы..., последним отказывается в правоте располагать своей судьбой» [15, с. 48]. Ввиду того, что часть этих территорий считались польскими, это вынуждало Польшу реагировать самым энергичным образом. Тем более, что на всех западных российских рубежах полным ходом осуществлялось строительство советских республик.

Политика Польши в отношении Беларуси. Политика Польши в отношении белорусской этнической территории отличалась разными подходами. Впервые пилсудчики заговорили о федерации с Беларусью 5 октября 1918 г. в «Декларации в вопросе Белой Руси». В начале 1919 г. белорусская проблема стала рассматриваться в контексте военной кампании на востоке. Территории Виленской и Гродненской губерний оставались в сфере влияния местного польского населения [16, с. 320]. В губерниях же с незначительным польским элементом поддерживалось белорусское национальное движение. Критически оценивая возможность создания белорусского государства, Генеральный штаб Польши в июле 1919 г. разработал проект образования автономного округа в составе Минской и Могилевской губерний, как центра возрождения белорусского народа, который должен был войти в федерацию с Польшей [11, s. 52]. Все территории к западу от округа интегрировалась бы в состав Польши.

Белорусская Народная Республика (БНР) была провозглашена 25 марта 1918 г. В ее состав включались Могилевская, Минская, Витебская губернии, белорусские этнические части Гродненской, Виленской, Смоленской, Черниговской губерний. Представители многих белорусских партий стали добиваться союза с Польшей на федеративной основе, гарантий политической автономии и условий для развития белорусской национальной культуры [17, s. 7]. Однако пропольский характер белорусских симпатий в скором времени изменился в противоположную сторону. Этому способствовала деятельность польской администрации на оккупированных территориях, где срабатывал исторический стереотип: «поляк — пан, белорус — крестьянин» [4, s. 53]. Такая политика работала лучше всякой большевистской антипольской агитации. В Минской губернии возникла сеть партизанских отрядов.

10 декабря 1918 г. в Минской губернии было провозглашено восстановление советской власти. 11 декабря Минск был освобожден от немецких оккупантов, а 12 декабря совещание представителей Советов крестьянских депутатов приняло решение о созыве I съезда Советов. Временное революционное рабоче-крестьянское правительство в опубликованном 1 января 1919 г. манифесте объявило о создании Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР). 2—4 февраля в Минске состоялся I съезд Советов Белоруссии, который обратился с призывом ко всем народам признать БССР. Съезд выразил готовность объединиться на федеративных началах с РСФСР [18, с. 460—461]. Президиум Всероссийского ЦИК Советов признал независимость БССР [19, с. 61]. Как оказалось впоследствии, большевики, признавая право наций на самоопределение в качестве инструмента политической борьбы, после прихода к власти не намеревались осуществлять его на практике.

Национальная и социальная политика большевиков в Беларуси спровоцировала рост симпатий к Польше. Натерпевшись от немецкого и большевистского террора, белорусские крестьяне с надеждой взирали на соседнюю Польшу, откуда доходили слухи об успехах аграрной реформы. Катализатором пропольских симпатий стали успехи польских войск в боях с Красной Армией. 22 апреля 1919 г. они заняли Вильнюс. Было издано обращение «К жителям бывшего Великого княжества Литовского», в котором Ю. Пилсудский гарантировал решение национальных и религиозных проблем населения без внешнего вмешательства [20, с. 74]. Обращение было призвано убедить литовцев и белорусов в необходимости федерации с Польшей для совместных действий против большевистской России.

Выразителем интересов белорусского народа стала Виленская белорусская рада, созданная во время немецкой оккупации. Ее представители вскоре после захвата столицы Литвы поляками обратились к Ю. Пилсудскому с официальной декларацией, в которой выразили надежду объединить с помощью Польши всю Беларусь и обустроить ее как независимое государство [21, с. 5]. Это обращение стало первой официальной белорусской декларацией об отношениях между двумя народами.

Рада БНР добивалась от международного сообщества, и прежде всего от Польши, официального признания, установления федеративных отношений с Польшей и передачи ей всей гражданской власти в Беларуси. Председатель Рады Е. Лёсик и руководитель правительства А. Луцкевич продолжали сотрудничать с Ю. Пилсудским, хотя последний всячески ограничивал самостоятельность Рады. Польская оккупационная власть не признавала белорусских институтов и делегировала властные полномочия польской гражданской администрации западных земель, закрывала белорусские школы, культурно-просветительные учреждения, газеты. По приказу Ю. Пилсудского в Гродно были разоружены подчиненные Раде БНР 1-й и 2-й белорусские пехотные полка, кавалерийский эскадрон [22, с. 45—456].

Ситуация осложнилась еще больше, когда на Парижской мирной конференции страны Антанты выступили против признания федеративных отношений Беларуси с Польшей. Они по-прежнему считали Беларусь частью России. Это привело к изменению позиции Польши. Речь велась уже не о федерации, а об автономии Беларуси в составе Польши. Польская оккупация белорусских земель также оставила после

себя горечь обид и разочарований, так как польская политика рассматривала белорусские земли только как свои «кресы всходне», о чем с горечью вспоминал один из лидеров Рады БНР Б. Тарашкевич [21, с. 8]. Однако он по-прежнему надеялся на совместное федеративное государство под эгидой Польши.

Теоретическое обоснование политики прометеизма. Параллельно с попытками оккупации Беларуси разрабатывались постулаты политики прометеизма. После провала совместного похода польских и

украинских армий на Киев летом 1920 г. стали очевидными проблемы в реализации федеративных устремлений Польши. Удержав «чудом на Висле» продвижение Красной Армии в Европу, Польша вынуждена была согласиться на переговоры с Москвой. В это сложное для польской государственности время была создана газета «Пшимежэ» («Przymierze» — в переводе с польского «Союз»), в которой пропагандировались идеи прометеизма. Внешне сохранялась видимость ее независимости, однако в 1920—1921 гг. она регулярно издавалась в типографии газеты «Курьер поранны», которая принадлежала сторонникам Ю. Пилсудского. Во вступительной статье первого номера главный редактор В. Вакар заявил, что газета должна служить идее политического сближения так называемых «новых народов». К ним относились «порабощенные» Россией финны, эстонцы, литовцы, белорусы, украинцы, крымские татары, кубанские казаки, грузины, азербайджанцы, горцы Северного Кавказа [23, s. 1].

Всю ответственность за провал так называемого Киевского похода публицисты «Пшимежэ» возложили на польскую сторону, которая «в своей восточной политике несла оккупацию вместо самоуправления» [24, s. 1—2]. Критический тон статей усилился еще больше в связи с началом польско-советских переговоров в Риге и подписанием прелиминарного договора 12 октября 1920 г. Неофициальный руководитель газеты Т. Голувко не скрывал своего разочарования из-за отсутствия у польской делегации конструктивной программы сотрудничества с Украинской и Белорусской советскими республиками, признать которые Польша была вынуждена [25, s. 1].

В начале 1921 г. редакторы газеты «Пшимежэ» официально заявили о создании политической организации «Союз сближения возрожденных народов» (СЗВН) (Związek Zblizenia Narodów Odrodzonych), объединившей представителей антисоветской эмиграции так называемых «новых народов» [26, s. 119]. У публицистов СЗВН еще теплилась надежда на самостоятельность УССР и БССР [27, s. 1—2]. Они обращали внимание, что по условиям Рижского мира, Россия не является унитарным государством, а советские Украина и Белоруссия выступают самостоятельными субъектами договора [28, s. 1—3]. В этой связи предлагалось использовать обещания большевиков, которые гарантировали суверенные права этим республикам вплоть до самоопределения. Считалось, что даже в таких условиях возможно достичь понимания с советскими правительствами в национальных республиках, чтобы отдалить российскую угрозу от польских границ. Деятели СЗВН и в дальнейшем считали актуальной программу федерации с украинцами и белорусами [29, s. 1—3]. Однако они не могли даже представить себе, что обещанное право на самоопределение окажется лишь декларацией. Вскоре стало очевидным, что советские республики находятся под тотальным контролем РКП (б). В этой ситуации внимание было сконцентрировано на том, чтобы сохранить в границах II Речи Посполитой хотя бы те украинские и белорусские земли, которые были очерчены условиями Рижского договора [30, s. 1—2].

Создание и деятельность подпольных организаций. Вместе с тем Ю. Пилсудский и его соратники подчеркивали временность установления равновесия в отношениях с Советской Россией и настаивали на постоянной боевой готовности со стороны Польши [31, s. 1]. Они не отказывались от основных принципов в восточной политике государства, которые составляли основу идеи прометеизма. Для укрепления польского влияния в белорусских землях активизировались подпольные организации. Руководитель партизанских отделов на Беларуси капитан Трыгар (Хлопицкий) по распоряжению Главного командования Польской военной организации (ПОВ) прибыл сюда еще 15 июля в 1919 г. с целью организации новых отделов и принятие существующих под свое руководство [32, k. 1].

В реализации тактических планов прометеистов заметная роль была отведена партизанским отрядам Булак-Балаховича, партии «Зеленого дуба» и Польскому отделу при Российском эвакуационном комитете (РЭК) под председательством Б. В. Савинкова, который, оказавшись в эмиграции, получал субсидии и активно сотрудничал со вторым отделом польского Генерального штаба [33, s. 52—53].

Предполагаемые пунктами организации отделов «Народного союза защиты Родины и свободы» под предводительством Б. Савинкова были Белосток, Гродно, Вильно, Брест-Литовск [34, л. 6]. Непосредственными участниками партизанских соединений, действовавших на территории Беларуси стали офицеры армии генерала Перемыкина и полковника Перхутьева, которые, натерпевшись в польских лагерях для интернированных от нужды, холода, голода и непривычного им физического труда, обращались к Б. Савинкову с просьбой вступить в ряды его армии [34, л. 28]. Вооруженные отряды формировались на территории Польши и переходили границу с разрешения польских властей [35, л. 57]. Среди прочих их заданием была разведывательная деятельность на территории Советской России. В соответствии с распоряжениями Б. Савинкова польскому Генеральному штабу передавались сведения военно-политического характера: о ситуации в Петрограде, о грузах, которые доставлялись в российские порты морским путем, о деятельности партизанских отрядов за период с 5 по 20 июня 1921 г., о численности и дислокации частей Красной Армии с апреля по июнь 1921 г. Военные донесения от Б. В. Савинкова передавались непосредственно в руки майора Ю. Бека [35, л. 57, 59, 60, 64, 162].

После Рижского мира активизировалось формирование большевистских партизанских отрядов, которые действовали на польской территории. 1 апреля 1922 г. штабом Западного фронта был издан тайный приказ о формировании отрядов в пограничной полосе с целью нападения на польские учреждения [36, л. 13—16]. В Орше был создан вербовочный пункт для набора добровольцев в так называемый «Союз крестьянской самообороны», предназначенный для диверсионных акций на территории Польши. В листовке «Смерть польским панам и их наемникам-бандитам» звучал призыв объединяться в «Союз крестьянской самообороны» против банд Булак-Балаховича, Савинкова, Коротневича. [36, л. 32]. Такое же антипольское формирование боевых отделов происходило в Советской Украине, о чем неоднократно упоминалось в польской прессе [37, s. 1—2; 38, s. 2]. Продолжение партизанской борьбы на землях Беларуси свидетельствовало о том, что вопреки договоренностям в Риге и польская, и советские стороны не отказались от реализации своих геополитических доктрин. Скрытое польско-советское противостояние продолжалось.

Прометеистские притязания Польши на некоторое время прекратились в 1923 г. в связи с уходом Ю. Пилсудского в отставку с высших постов в государстве, чтобы с новой силой возродиться после майского переворота 1926 г. В это время не ослабевал интерес польских спецслужб к ситуации в БССР и среде белорусской эмиграции. Отдельные сведения о настроениях в белорусских организациях за рубежом сохранились в документах польских архивов [39, к. 27—29]. Мониторинг ситуации в БССР и в белорусской эмиграции продолжался до 1939 г., хотя давно было ясно, что прометеистские планы польских политиков относительно Беларуси провалились. В отчете польского Генерального Штаба за 1938 г. нет даже упоминания о белорусах и литовцах, как будто не было в 1920-х гг. отчаянных попыток втянуть Беларусь и Литву в орбиту польского прометеизма и создать совместное федеративное государство. Нет белорусов и в перечне прометеистских народов, среди которых названы украинцы, грузины, азербайджанцы, армяне,

крымские, туркменские и уральские татары, казаки, карелы [40, к. 8]. Из этого следует, что творцы прометеизма не хотели даже упоминать о неудачах своей политики в белорусском вопросе.

Таким образом, с момента возрождения II Речи Посполитой актуальным стал вопрос присоединения белорусских, литовских и украинских земель с целью создания совместного федеративного государства. Идейной подоплекой для реализации этих планов стала концепция прометеизма, предполагавшая руководящую роль Польши в восточноевропейском регионе и направленная, главным образом, против России. Идея вовлечения Беларуси в орбиту польского прометеизма потерпела неудачу. Все закончилось неуверенными попытками создания в 20-х гг. XX в. польско-литовско-белорусской федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симонова, Т. Именем революции: мир и счастье — на штыках / Т. Симонова // Родина. 2000. № 10.
 2. Lewandowski, J. Federalizm, Litwa i Biaioruń w polityce obozu belwederskiego / J. Lewandowski. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962. 263 s.
 3. Lewandowski, J. Imperializm siabonci. Kształtowanie się koncepcji polityki wschodniej państwa 1921—1926 / J. Lewandowski. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967. 225 s.
 4. Mikulicz, S. Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej / S. Mikulicz. Warszawa : Książka i Wiedza, 1971. 314 s.
 5. Okuliewicz, P. Publicyści «Przymierza» wobec problemu niepodległości Ukrainy i Białorusi w okresie rokowań ryskich / P. Okuliewicz // Problemy narodowościowe Europy wschodnio-Wschodniej w XIX i XX wieku. Księga pamiątkowa dla Profesora Przemysława Hausera / pod red. A. Czubińskiego [i in.]. Poznań : UAM, 2002. 714 s.
 6. Kornat, M. W kręgu ruchu prometejskiego. Zbliżenia narodziły się w odrodzonych (1921—1923) i Instytut Wschodni w Warszawie (1925—1939) / M. Kornat // Politeja. Pismo wydziału studiów międzynarodowych i politycznych Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 2004. № 2. S. 349—391.
 7. Pisulicki, J. Józef Piłsudski a Ukraina (1918—1922) / J. Pisulicki // Arkana. Kraków, 2006. № 2 (68). S. 101—128.
 8. Bruski, J. Zamach majowy — a rywalizacja polsko-sowiecka. Kontekst ukraiński i białoruski / J. Bruski // Arkana. Kraków, 2006. № 2 (68). S. 129—139.
 9. Grygajtis, K. Polskie idee federacyjne i ich realizacja w XIX i XX w. / K. Grygajtis. Człochowa : Wydawnictwo WSP, 2001. 623 s.
 10. Матвеев, Г. Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период / Г. Ф. Матвеев // Россия — Украина: история взаимоотношений / отв. ред.: А. И. Миллер [и др.]. М., 1997.
- 81
11. Симонова, Т. М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919—1924 / Т. М. Симонова // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47—64.
 12. Wakar, W. Ratowanie państwa / W. Wakar // Przymierze. 1920. № 3. 29 sierpnia.
 13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 461/к. Оп. 1. Д. 155.
 14. Grygajtis, K. Sowiecka strategia geopolityczna w Europie a Polska. 1924—1943 / K. Grygajtis. Warszawa : Sprawy polityczne, 2006. 184 s.
 15. Красноармейцы в польском плену в 1919—1922 гг.: сборник док. и материалов / сост. Н. Е. Елисеева. М. : Летний сад, 2004. 911 с.
 16. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich: w 11 t. / oprac. W. Gostyńska. Warszawa : Książka i Wiedza, 1962—1987. T. 2: Listopad 1918 — kwiecień 1920. 1961. 889 s.
 17. Taraszkiewicz, B. Białoruskie postulaty polityczne / B. Taraszkiewicz // Przymierze. 1920. № 3. 29 sierpnia.
 18. Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР: док. и материалы из истории Белоруссии / редкол. А. И. Азаров [и др.]. Минск : Изд-во АН БССР, 1954. Т. IV: март 1917 — февраль 1919. 514 с.
 19. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол. Г. К. Деев. М. : Госполитиздат, 1957—2000. Т. I: 1 января 1919 — 30 июня 1920 г. 803 с.

20. Prychnik, A. Pierwsze piktastoletie Polski niepodlegiej: zarys dziejw politycznych / A. Prychnik. Warszawa : KsiŹka i Wiedza, 1957. 493 s.
21. Taraszkiewicz, B. Biaioruskie postuiaty polityczne (Dokoczenie) / B. Taraszkiewicz // Przymierze. 1920. № 5. 12 wrzeŹnia.
22. Чигринов, П. Г. История Беларуси с древности до наших дней: учеб. пособие / П. Г. Чигринов. Минск : Книжный дом, 2004. 670 с.
23. Wakar, W. Przymierze / W. Wakar // Przymierze. 1920. № 1. 15 sierpnia.
24. Wakar, W. Nauka klkski / W. Wakar // Przymierze. 1920. № 2. 22 sierpnia.
25. Hoiywko, T. Skutki pokoju w Rydze / T. Hoiywko // Przymierze. 1920. № 16. 28 listopada.
26. Werschler, I. Tadeusz Holywko: ĩycie i dziaiaľnoŹ: Z dziejw obozu belwederskiego / I. Werschler. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. 397 s.
27. Wakar, W. MiaieŹ chiorie zioty ryg / W. Wakar // Przymierze. 1920. № 11. 24 paŹdziernika.
28. Kutyiowski, B. Pokyj ryski / B. Kutyiowski // Przymierze. 1921. № 14—15. 17 kwietnia.
29. Wakar, W. Przesianki naszej doktryny/ W. Wakar // Przymierze. 1921. № 30—31. 28 sierpnia.
30. Woioszynowski, J. Konsekwencje / J. Woioszynowski // Przymierze. 1921. № 16—17. 1 maja.
31. Hoiywko, T. Skarb najwyszy / T. Hoiywko // Przymierze. 1921. № 8. 27 lutego.
32. Centralne Archiwum Wojskowe (CAW). Oddziai II Sztabu Giywego. I. 303. 4. 5721.
33. Wasilewski, L. Jyzef Piisudski jakim go znaiem / L. Wasilewski. Warszawa: Towarzystwo Wydawnicze «Ryj», 1935. 223 s.
34. Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 461/к. Оп. 1. Д. 134.
35. РГВА. Ф. 461/к. Оп. 1. Д. 138.
36. РГВА. Ф. 308/к. Оп. 3. Д. 9.
37. Bandy Ukraijskie // Gazeta Warszawska. 1922. 20 paŹdziernika. № 286.
38. Bandy Bolszewicckie // Gazeta Warszawska. 1922. 23 paŹdziernika. № 289.
39. Archiwum Akt Nowych. Sygn. 5328. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. K. 27—29.
40. Centralny Archiwum Wojskowy. Oddziai II Sztabu Giywego. I.303.4.5561.

SUMMARY

The article analyses attempts of realization of Polish politics of Prometheism in the Byelorussian issue. Formation of the joint federal state of Poland, Lithuania, Byelorussia and Ukraine suited expectations of theorists of Prometheism conception from the circle of Y. Pilsudski most of all. They considered bolshevist Russia to be their main external political rival. Longing of separate Byelorussian politicians to support Prometheism aspirations of Poland was not approved by the majority of Orthodox rural population of Byelorussia. It was used by bolsheviks which resulted in formation of BSSR In the period after Ryha agreement Polish-Soviet confrontations in Byelorussia continued in a form of partisan fighting. Despite the fact that Poland's considerable interest in the Byelorussian issue did not wane within all the interwar time everything ended in uncertain attempts of Polish-Lithuanian-Byelorussian federation of the XX-th c.